

▪ 1.1. Внутренний мир человека и его личностные качества. Гордость и смирение.

Внутренний мир человека – это его внутренняя сущность, это его взгляды, убеждения, **нравственные качества**, чувства, интересы. Внутренний мир человека намного важнее, чем его внешний облик. На внутреннем мире человека отражается вся его сознательная духовная жизнь. Каждый человек воспринимает все события, предметы внешнего мира по-своему, пропускает их через своё собственное восприятие, даёт им свою оценку, поэтому в одинаковых ситуациях люди ведут себя по-разному.

- **Гордость или смирение обогащают личность?**
- **Можно ли утверждать, что нет смысла превозносить смиренных и кротких, потому что, когда их превозносят, они перестают быть смиренными и кроткими?**
- **Как вы понимаете смысл высказывания "Смиряться, несчастный лишь довершает свое несчастье"?**
- **Как вы понимаете значение высказывания "Кротость особенно похвальна тогда, когда причина гнева вполне справедлива"**
- **Согласны ли Вы с мнением, что гордость – это способность идти вперед, несмотря ни на что?**
- **Согласны ли вы с высказыванием: «Гордость как проявление эгоизма, самовлюблённости, мешает человеку быть счастливым».**

Афоризмы о гордости

Чрезмерная гордость – вывеска ничтожной души (И.С. Тургенев).

Есть люди, которые гордятся силою своих желаний, а не силою власти над желаниями (Л.Н. Толстой).

Гордый человек точно обрастает ледяной корой. Сквозь кору эту нет хода никакому другому чувству (Л. Толстой).

Гордость — это своего рода презрение ко всем другим, кроме самого себя (Теофраст (около 370 до н. э., г. Эрес, остров Лесбос — между 288 до н. э. и 285 до н. э., Афины) — древнегреческий философ, естествоиспытатель, теоретик музыки).

Бесконечно маленькие люди имеют бесконечно великую гордость(Вольтер – настоящее имя Франсуа-Мари Аруэ 21 ноября 1694, Париж, Королевство Франция — 30 мая 1778, там же) — французский писатель и философ, один из главных представителей просветительской мысли XVIII века; поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист).

Истинное достоинство подобно реке: чем она глубже, тем меньше издаёт шума.

М. Монтень - Мишель де Монтень (28 февраля 1533 — 13 сентября 1592) — французский писатель и философ эпохи Возрождения, автор книги.

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

I

Я слышал эти рассказы под Аккерманом, в Бессарабии, на морском берегу. Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лежа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю. Они шли, пели и смеялись; мужчины — бронзовые, с пышными, черными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки — веселые, гибкие, с темно-синими глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шелковые и черные, были распущены, ветер, теплый и легкий, играя ими, звякал монетами, вплетенными в них. Ветер тек широкой, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развеивал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными. Они уходили все дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их все прекраснее. Кто-то играл на скрипке... девушка пела мягким контральто, слышался смех... Воздух был пропитан острым запахом моря и жирными испарениями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождем. Еще и теперь по небу бродили обрывки туч, пышные, странных очертаний и красок, тут — мягкие, как клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, там — резкие, как обломки скал, матово-черные или коричневые. Между ними ласково блестели темно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звезд. Все это — звуки и запахи, тучи и люди — было странно красиво и грустно, казалось началом чудной сказки. И все как бы остановилось в своем росте, умирало; шум голосов гас, удаляясь, перерождался в печальные вздохи. — Что ты не пошел с ними? — кивнув головой, спросила старуха Изергиль. Время согнуло ее пополам, черные когда-то глаза были тусклы и слезились. Ее сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями. — Не хочу, — ответил я ей. — У!.. стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Боятся тебя наши девушки... А ведь ты молодой и сильный... Луна взошла. Ее диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своем веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, стала такой жирной и щедрой. На нас упали кружевные тени от листвы, я и старуха покрылись ими, как сетью. По степи, влево от нас, поплыли тени облаков, пропитанные голубым сиянием луны, они стали прозрачней и светлей.

— **Смотри, вон идет Ларра!** Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестер, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они. — Никого нет там! — сказал я. — Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, темный, бежит степью! Я посмотрел еще и снова не видел ничего, кроме тени. — Это тень! **Почему ты зовешь ее Ларра?** — **Потому что это — он. Он уже стал теперь как тень, — порал Он живет тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать бог с человеком за гордость!..**

— Расскажи мне, как это было! — попросил я старуху, чувствуя впереди одну из славных сказок, сложенных в степях. И она рассказала мне эту сказку. «Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы дает столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там. Вот какая щедрая земля в той стране! Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками. Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унес орел, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но — не нашли ее. И забыли о ней, как забывают обо всем наземле».

Старуха вздохнула и замолчала. Ее скрипучий голос звучал так, как будто это роптали все забытые века, воплотившись в ее груди тенями воспоминаний. Море тихо вторило началу одной из древних легенд,

которые, может быть, создались на его берегах. «Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И, когда ее спросили, где была она, она рассказала, что орел унес ее в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже, когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них... **Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперенной стрелой с неотточенным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его. А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их — он не хочет делать этого. О!.. тогда уж совсем рассердились они. Рассердились и сказали:— Ему нет места среди нас! Пусть идет куда хочет. Он засмеялся и пошел, куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошел к ней и, подойдя, обнял ее. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь, а он ударил ее и, когда она упала, встал ногой на ее грудь, так, что из ее уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла.** Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на нее, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на нее кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же — слишком просто и не удовлетворит их». Ночь росла и крепла, наполняясь странными, тихими звуками. В степи печально посвистывали суслики, в листе винограда дрожал стеклянный стрекот кузнечиков, листва вздыхала и шепталась, полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел, удаляясь от земли, бледнел и все обильнее лил на степь голубоватую мглу... «И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Хотели разорвать его лошадьми — и это казалось мало им; думали пустить в него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дым костра не позволил бы видеть его мучений; предлагали много — и не находили ничего настолько хорошего, чтобы понравилось всем. А его мать стояла перед ними на коленях и молчала, не находя ни слез, ни слов, чтобы умолять о пощаде. Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:— Спросим его, почему он сделал это? Спросили его об этом. Он сказал:— Развяжите меня! Я не буду говорить связанный! А когда развязали его, он спросил:— Что вам нужно? — спросил так, точно они были рабы...

— Ты слышал... — сказал мудрец. — Зачем я буду объяснять вам мои поступки? — Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Все равно ты умрешь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаемся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем... — Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил ее потому, мне кажется, — что меня оттолкнула она... А мне было нужно ее. — Но она не твоя! — сказали ему. — Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землей... и многим еще... Ему сказали на это, что за все, что человек берет, он платит собой: своим умом и силой, иногда — жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым. Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого. Когда люди увидели это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:— **Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нем самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!** И тут произошло великое. Грянул гром с небес, — хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого.

Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся,

оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его — не был человеком... А этот — был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — все, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вилял около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошел близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:— Не троньте его! Он хочет умереть!И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и все искал чего-то на своей груди, хватаясь за нее руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомленный, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об нее. Но земля отстранялась от него, углубляясь от ударов его головы.— Он не может умереть! — с радостью сказали люди.И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе черными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И все ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражен человек за гордость!»Старуха вздохнула, замолчала, и ее голова, опустившись на грудь, несколько раз странно качнулась.Я посмотрел на нее. Старуху одолевал сон, показалось мне. И стало почему-то страшно жалко ее. Конец рассказа она вела таким возвышенным, угрожающим тоном, а все-таки в этом тоне звучала боязливая, рабская нота.На берегу запели, — странно запели. Сначала раздался контральто, — он пропел две-три ноты, и раздался другой голос, начавший песню сначала и первый все лился впереди его...— третий, четвертый, пятый вступили в песню в том же порядке. И вдруг ту же песню, опять-таки сначала, запел хор мужских голосов.Каждый голос женщин звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из нее, заглушали ее и снова один за другим взвивались, чистые и сильные, высоко вверх.Шума волн не слышно было за голосами..

.....

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперед, там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем в сером сумраке и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днем и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и

коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один». Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос ее, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди... «Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам: — Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!.. Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня. — Веди ты нас! — сказали они. Тогда он повел...» Старуха помолчала и посмотрела в степь, где все густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг. «Повел их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен. Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как! Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко. — Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь! — Вы сказали: „Веди!“ — и я повел! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец! Но эти слова разъярили их еще более. — Ты умрешь! Ты умрешь! — ревели они. А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он расвирипел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску. А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь... — Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни. — Идем! — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям. Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало! И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струей из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер. Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. **Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой...** И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...» — Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой! Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжег для людей свое сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на нее и думал: «Сколько еще сказок и воспоминаний осталось в ее памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд. Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крепче. Я прикрыл ее старое тело и сам лег на землю около нее. В степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

Зеленая лампа (А.Грин).

В Лондоне в 1920 году, зимой, на углу Пикадилли и одного переулочка, остановились двое хорошо одетых людей среднего возраста. Они только что покинули дорогой ресторан. Там они ужинали, пили вино и шутили с артистками из Дрюриленского театра.

Теперь внимание их было привлечено лежащим без движения, плохо одетым человеком лет двадцати пяти, около которого начала собираться толпа.

— Стилтон! — брезгливо сказал толстый джентльмен высокому своему приятелю, видя, что тот нагнулся и всматривается в лежащего. — Честное слово, не стоит так много заниматься этой падалью. Он пьян или умер.

— Я голоден... и я жив, — пробормотал несчастный, приподнимаясь, чтобы взглянуть на Стилтона, который о чем-то задумался. — Это был обморок.

— Реймер! — сказал Стилтон. — Вот случай проделать шутку. У меня явился интересный замысел. Мне надоели обычные развлечения, а хорошо шутить можно только одним способом: делать из людей игрушки.

Эти слова были сказаны тихо, так что лежавший, а теперь прислонившийся к ограде человек их не слышал.

Реймер, которому было все равно, презрительно пожал плечами, простился со Стилтоном и уехал коротать ночь в свой клуб, а Стилтон, при одобрении толпы и при помощи полисмена, усадил беспризорного человека в кэб.

Экипаж направился к одному из трактиров Гайстрита. Беднягу звали Джон Ив. Он приехал в Лондон из Ирландии искать службу или работу. Ив был сирота, воспитанный в семье лесничего. Кроме начальной школы, он не получил никакого образования. Когда Иву было 15 лет, его воспитатель умер, взрослые дети лесничего уехали — кто в Америку, кто в Южный Уэльс, кто в Европу, и Ив некоторое время работал у одного фермера. Затем ему пришлось испытать труд углекопа, матроса, слуги в трактире, а 22 лет он заболел

воспалением легких и, выйдя из больницы, решил попытать счастья в Лондоне. Но конкуренция и безработица скоро показали ему, что найти работу не так легко. Он ночевал в парках, на пристанях, изголодался, отощал и был, как мы видели, поднят Стильтоном, владельцем торговых складов в Сити.

Стильтон в 40 лет изведal все, что может за деньги изведать холостой человек, не знающий забот о ночлеге и пище. Он владел состоянием в 20 миллионов фунтов. То, что он придумал проделать с Ивом, было совершенной чепухой, но Стильтон очень гордился своей выдумкой, так как имел слабость считать себя человеком большого воображения и хитрой фантазии.

Когда Ив выпил вина, хорошо поел и рассказал Стильтону свою историю, Стильтон заявил:

— Я хочу сделать вам предложение, от которого у вас сразу блеснут глаза. Слушайте: я выдаю вам десять фунтов с условием, что вы завтра же наймете комнату на одной из центральных улиц, во втором этаже, с окном на улицу. Каждый вечер, точно от пяти до двенадцати ночи, на подоконнике одного окна, всегда одного и того же, должна стоять зажженная лампа, прикрытая зеленым абажуром. Пока лампа горит назначенный ей срок, вы от пяти до двенадцати не будете выходить из дому, не будете никого принимать и ни с кем не будете говорить. Одним словом, работа нетрудная, и, если вы согласны так поступить, — я буду ежемесячно присылать вам десять фунтов. Моего имени я вам не скажу.

— Если вы не шутите, — отвечал Ив, страшно изумленный предложением, — то я согласен забыть даже собственное имя. Но скажите, пожалуйста, — как долго будет длиться такое мое благоденствие?

— Это неизвестно. Может быть, год, может быть, — всю жизнь.

— Еще лучше. Но — смею спросить — для чего понадобилась вам эта зеленая иллюминация?

— Тайна! — ответил Стильтон. — Великая тайна! Лампа будет служить сигналом для людей и дел, о которых вы никогда не узнаете ничего.

— Понимаю. То есть ничего не понимаю. Хорошо; гоните монету и знайте, что завтра же по сообщенному мною адресу Джон Ив будет освещать окно лампой!

Так состоялась странная сделка, после которой бродяга и миллионер расстались, вполне довольные друг другом.

Прощаясь, Стильтон сказал:

— Напишите до востребования так: «3-33-6». Еще имейте в виду, что неизвестно когда, может быть, через месяц, может быть, — через год, — словом, совершенно неожиданно, внезапно вас посетят люди, которые сделают вас состоятельным человеком. Почему это и как — я объяснить не имею права. Но это случится...

— Черт возьми! — пробормотал Ив, глядя вслед кэбу, увозившему Стильтона, и задумчиво вертя десятифунтовым билет. — Или этот человек сошел с ума, или я счастливчик особенный. Наобещать такую кучу благодати, только за то, что я сожгу в день пол-литра керосина.

Вечером следующего дня одно окно второго этажа мрачного дома № 52 по Ривер-стрит сияло мягким зеленым светом. Лампа была придвинута к самой раме.

Двое прохожих некоторое время смотрели на зеленое окно с противоположного дому тротуара; потом Стильтон сказал:

— Так вот, милейший Реймер, когда вам будет скучно, приходите сюда и улыбнитесь. Там, за окном, сидит дурак. Дурак, купленный дешево, в рассрочку, надолго. Он сопыется от скуки или сойдет с ума... Но будет ждать, сам не зная чего. Да вот и он!

Действительно, темная фигура, прислонясь лбом к стеклу, глядела в полутьму улицы, как бы спрашивая: «Кто там? Чего мне ждать? Кто придет?»

— Однако вы тоже дурак, милейший, — сказал Реймер, беря приятеля под руку и увлекая его к автомобилю. — Что веселого в этой шутке?

— Игрушка... игрушка из живого человека, — сказал Стильтон, самое сладкое кушанье!

II

В 1928 году больница для бедных,, помещающаяся на одной из лондонских окраин, огласилась дикими воплями: кричал от страшной боли только что привезенный старик, грязный, скверно одетый человек с истощенным лицом. Он сломал ногу, оступившись на черной лестнице темного притона.

Пострадавшего отнесли в хирургическое отделение. Случай оказался серьезный, так как сложный перелом кости вызвал разрыв сосудов.

По начавшемуся уже воспалительному процессу тканей хирург, осматривавший беднягу, заключил, что необходима операция. Она была тут же произведена, после чего ослабевшего старика положили на койку, и он скоро уснул, а проснувшись, увидел, что перед ним сидит тот самый хирург, который лишил его правой ноги.

— Так вот как пришлось нам встретиться! — сказал доктор, серьезный, высокий человек с грустным взглядом. — Узнаете ли вы меня, мистер Стильтон? — Я — Джон Ив, которому вы поручили дежурить каждый день у горящей зеленой лампы. Я узнал вас с первого взгляда.

— Тысяча чертей! — пробормотал, вглядываясь, Стильтон. — Что произошло? Возможно ли это?

— Да. Расскажите, что так резко изменило ваш образ жизни?

— Я разорился... несколько крупных проигрышей... паника на бирже... Вот уже три года, как я стал нищим. А вы? Вы?

— Я несколько лет зажигал лампу, — улыбнулся Ив, — и вначале от скуки, а потом уже с увлечением начал читать все, что мне попадалось под руку. Однажды я раскрыл старую анатомию, лежавшую на этажерке той комнаты, где я жил, и был поражен. Передо мной открылась увлекательная страна тайн человеческого организма. Как пьяный, я просидел всю ночь над этой книгой, а утром отправился в библиотеку и спросил: «Что надо изучить, чтобы сделаться доктором?» Ответ был насмешлив: «Изучите математику, геометрию, ботанику, зоологию, морфологию, биологию, фармакологию, латынь и т. д.» Но я упрямо допрашивал, и я все записал для себя на память.

К тому времени я уже два года жег зеленую лампу, а однажды, возвращаясь вечером (я не считал нужным, как сначала, безвыходно сидеть дома 7 часов), увидел человека в цилиндре, который смотрел на мое зеленое окно не то с досадой, не то с презрением. «Ив — классический дурак! — пробормотал тот человек, не замечая меня. — Он ждет обещанных чудесных вещей... да, он хоть имеет надежду, а я... я почти разорен!» Это были вы. Вы прибавили: «Глупая шутка. Не стоило бросать денег».

У меня было куплено достаточно книг, чтобы учиться, учиться и учиться, несмотря ни на что. Я едва не ударил вас тогда же на улице, но вспомнил, что благодаря вашей издевательской щедрости могу стать образованным человеком...

— А дальше? — тихо спросил Стильтон.

— Дальше? Хорошо. Если желание сильно, то исполнение не замедлит. В одной со мной квартире жил студент, который принял во мне участие и помог мне, года через полтора, сдать экзамены для поступления в медицинский колледж. Как видите, я оказался способным человеком...

Наступило молчание.

— Я давно не подходил к вашему окну, — произнес потрясенный рассказом Ива Стильтон, — давно... очень давно. Но мне теперь кажется, что там все еще горит зеленая лампа... лампа, озаряющая темноту ночи. Простите меня.

Ив вынул часы.— Десять часов. Вам пора спать, — сказал он. — Вероятно, через три недели вы сможете покинуть больницу. Тогда позвоните мне, — быть может, я дам вам работу в нашей амбулатории: записывать имена приходящих больных. А спускаясь по темной лестнице, зажигайте... хотя бы спичку.

Гордость в произведениях русской литературы. Многие люди задаются вопросом, что такое гордость? Это положительная или отрицательная черта характера человека? Однозначно ответить на этот вопрос сложно. С одной стороны, человек должен быть гордым, знать себе цену, не позволять унижать и оскорблять себя. Однако гордость часто перерастает в высокомерие, стремление возвыситься над другими, чувствовать своё превосходство. Не случайно гордость считается одним из семи смертных грехов.

Образ гордого человека часто встречается в литературе. Независимые, гордые герои находятся в конфликте с обществом, не принимаются им, а иногда и просто изгоняются. **Одни герои способны перебороть в себе эту черту, понимая, что она им просто мешает жить. В этом случае, сохраняя чувство достоинства, они преодолевают в себе гордость. Другие же остаются одинокими, высокомерными. Их гордость перерастает в гордыню, не позволяющую быть понятыми людьми, мешающую стать счастливыми.**

Всех героев вышеперечисленных произведений объединяет то, что им свойственна эта черта характера — гордость. Немало трудностей она доставляет им в жизни. Одни так и не смогли изменить себя (Печорин, Ларра); другие (Андрей Болконский) стали проще, терпимее, ближе к людям, народу, осознав, что такое истинное счастье.

1. Так, Петр Гринев, герой книги А.С. Пушкина «Капитанская дочка» был гордым офицером, поэтому не присягнул самозванцу ради спасения своей жизни. Стоя перед виселицей, он готов был принять смерть, но не унизиться перед мятежниками. Такой же отвагой обладал комендант крепости, который не испугался сказать Пугачеву, что не признает его власти. Такой же гордой была жена Миронова, которая бросила в лицо бунтовщикам свои справедливые обвинения. Никто из этих героев не стал спасать себя ценой измены, и в этой принципиальной позиции читатель видит гордость преданных слуг отечества. Они считали себя и свое дело выше банды Пугачева, и даже перед лицом опасности они сохраняли уважение к себе и своей службе. Такое качество можно назвать только положительным. А вот высокомерие Пугачева, которое он проявил, сравнив себя с орлом, мы не можем оправдать никакими доводами. Назвав себя царем, беглый казак повел народ на смерть без надежды на успех. Его манила слава и удаль Лжедмитрия, он был горд своим ворованным богатством, своей тиранической властью на крови. Но его чувство гордости отрицательное, потому что стало почвой для самолюбования и вседозволенности. Значит, хорошее и плохое качество с одинаковым смыслом отличает степень того, насколько человек уверен в себе и своей правоте. Петр и семья Мироновых решали только свою судьбу, а Пугачев взялся за исторический путь целого народа, полагаясь лишь на свои скудные познания о государственности. Таким образом, гордость – это способность увидеть собственные преимущества. Человек гордый всегда поступает в соответствии со своими жизненными принципами, не давая другим людям подчинить себя и не сворачивая с самостоятельно заданного пути. Гордый человек в любой жизненной ситуации будет защищать свою честь. Понятие гордости сплетается воедино с понятием чувства собственного достоинства.

2. В поэме М. Ю. Лермонтова «Песня про купца Калашникова» гордость стала причиной развития событий. Приближенный царя Кирибеевич оскорбил Алену Дмитриевну, жену Калашникова. Купец не мог смириться, он не испугался силы и влияния обидчика, вызвал его на поединок. Честь герой ставил выше жизни, последней он и лишился, хотя и победил в честном бою (царь наказал его за убийство фаворита). Калашников вызывает уважение, потому что его гордость – это не самолюбование, а самоуважение, готовность защищаться и бороться, невзирая на обстоятельства.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гордость – это понимание своих достоинств и защита своей чести. Это чувство, которое позволяет человеку сохранить свои жизненные ориентиры в любой ситуации.

3.М.Ю.Лермонтов. «Герой нашего времени». Главный герой романа Григорий Печорин ведёт себя высокомерно по отношению к людям, демонстрируя своё превосходство над ними. Иногда его поступки имеют основание, ведь он видит пошлость, убожество высшего света. Однако гордость по отношению к близким, любящим его людям приносит столько страданий окружающим. Вспомним, как он обидел Максима Максимовича, искренне любящего его, как отнёсся к Бэле, лишив её семьи, дома, близких, сколько страданий принёс Мэри. Себя, свои интересы он ставит выше всего. Он, в сущности, был одинок. *«Удовольствия мне опротивели, общество мне также надоело...любовь только раздражала мое самолюбие, а сердце осталось пусто...»*. Трагедия героя в том, что он всё прекрасно осознаёт, что несёт людям несчастье. Печорин не понимает, почему его любят женщины, «неужели зло так привлекательно?..» Герой не может преодолеть свою гордость, изменить себя. Образ героя противоречив. В нём привлекает его смелость, решительность, ум, прямота. **Однако эгоизм, гордыня, высокомерие, цинизм, даже безнравственность в некоторых случаях никак не могут быть приняты и оправданы в нём.**

4.Л.Н.Толстой «Война и мир». Один из главных героев романа «Война и мир» — Андрей Болконский. Автор показывает путь исканий героя, изменение его идеалов, поиск пути в жизни. В начале романа — это человек, стремящийся к славе (*«но ежели хочу этого, хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, то ведь я не виноват, что я хочу этого, что одного этого я хочу, для одного этого я живу...»*) Его кумир-Наполеон, сумевший достичь таких высот. Он хочет найти свой «Тулон». В свете Болконский высокомерен, холоден, насмешлив, ему надоело высшее общество с его пустыми разговорами.

В конце произведения Андрей показан изменившимся: *«...он много переменился к лучшему в эти пять лет, смягчился и возмужал, что не было в нем прежнего притворства, гордости и насмешливости...»*. Андрей понял, что главное в жизни — это любовь, семья, близкие люди, а далеко не слава, о которой он мечтал. Герой преодолел гордость, эгоизм, стал ближе к людям. (*«...чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтоб не жили они так независимо от моей жизни, чтоб на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе!»*) **Гордость как проявление эгоизма, самовлюблённости, мешает человеку быть счастливым. Только близость к людям, стремление жить общими с ними заботами, патриотизм, единение с народом в минуты опасности — всё это наполняет жизнь смыслом. К такому выводу приходишь, читая роман Л.Толстого.**

5. Катерина, героиня драмы А. Н. Островского «Гроза», была очень честным человеком. Она не способна ко лжи, поэтому призналась мужу в измене, не боясь гнева его матери. Гордая женщина не хотела скрываться от него, врать и изворачиваться. В итоге героиня осталась совершенно одна наедине с истязавшей ее свекровью. Ни один человек не пришел ей на помощь, а большинство людей ее осуждали, причем за то, что она не сумела соврать об измене. В конце концов, гордость Катерины не выдержала унижения. Она совершила одиночный бунт против лживого общества с его ханжескими взглядами и утопилась. **Значит, гордым может быть только сильный и бескомпромиссный человек, готовый постоять за свои убеждения.**

6.А.М.Горький. «Старуха Изергиль»

Герой одной из легенд рассказа «Старуха Изергиль» — самовлюблённый, эгоистичный Ларра, сын орла и женщины. Он противопоставил себя обществу, «... *считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего...*», нарушая все принятые в нём законы- моральные и юридические. Ведь он легко совершает преступление, убивая девушку, которая оттолкнула его. Общество жестоко наказывает героя – одиночеством. Само имя Ларра обозначает «отвергнутый». Быть изгнанным из общества, не нужным никому — что может быть страшнее? *«Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражен человек за гордость!»*

Эта легенда имеет огромный нравоучительный смысл, заставляет читателей задуматься над тем, как надо жить, каким быть, как относиться к людям. Гордость, переходящая в гордыню, несёт человеку только несчастье.

В рассказе Максима Горького «Старуха Изергиль» рассказывается и о судьбе смелого Данко, который вырвал свое сердце, чтобы помочь другим людям. Старуха Изергиль, которая рассказывает эту легенду, называет Данко гордым человеком с гордым сердцем. Он уверен в собственных силах, герой знает, что ему удастся помочь своему народу. Данко берет на себя ответственность за спасение людей и ведет за собой племя, ради которого вырывает из своей груди сердце для того, чтобы осветить путь. **Данко не испугался трудностей, а пошел до самого конца, будучи уверенным в собственных действиях. Это настоящий пример гордости как положительного человеческого качества.**

7. Из рассказа Максима Горького «Макар Чудра» мы узнаём легенду о Лойке Зобаре и Радде. Для Зобара высшей ценностью является свобода. Радда является высшим проявлением гордости. Эту гордость не может сломить даже любовь к Лойке: *«Никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А ещё я люблю волю! Волю-то, Лойко, я люблю больше, чем тебя. <...> Поклонишься мне в ноги перед всем табором и поцелуешь правую руку мою – и тогда я буду твоей женой»*. Неразрешимое противоречие в романтическом характере – между любовью и гордостью – оказывается естественным для Макара Чудры. И только смерть может разрешить этот конфликт. Любовь ведь предполагает покорность любимому человеку и некое смирение, но на это не могут пойти ни Лойко, ни Радда. Компромисс для романтического сознания просто невозможен. В конце рассказа повествователь видит во тьме, как красавец-цыган Лойко Зобар и Радда *«кружились во тьме ночи плавно и безмолвно, и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Раддой»*.

Гордость может быть сильнее, чем его крепкая дружба. В романе А.С. Пушкина «Дубровский» Кирилла Петрович Троекуров представлен знатным и богатым баринем, живущим в собственном поместье Покровское. Он имеет крутой нрав, держит в страхе всех соседей.

Не боится его только бедный помещик Андрей Гаврилович Дубровский, отставной поручик гвардии. Оба героя – вдовцы с детьми и бывшие сослуживцы.

Троекуров хочет выдать свою дочь Машу замуж за сына Дубровского - Владимира. Ссорятся друзья из-за неожиданной размолвки. Гордость Кирилы Петровича не позволила ему забыть случившийся скандал.

Когда Троекуров показывает Дубровскому свою псарню, слуга Кирилы Петровича задел честь Андрея Гавриловича. Гордость Дубровского не позволила посещать дом Троекурова, холоп которого разрешает себе говорить дерзости дворянину. Но Троекуров отказался идти со своим другом на мировую. Сделать это ему не позволяла гордыня. Он не хотел признавать свои ошибки и извиниться

перед Дубровским, честь которого была оскорблена. В результате этого между Троекуровым и его бывшим другом начались судебные тяжбы, которые привели к тому, что Андрей Гаврилович потерял свое имение. **Это говорит о том, что гордыня Троекурова оказалась сильнее, чем его крепкая дружба с Дубровским.**

Гордость ума ведёт к гибели

В романе Ф.М. Достоевского главный герой Родион Раскольников ставит перед собой вопрос: «тварь я дрожащая или право имею»? Родион видит нищету и беды окружающих его людей, оттого и решает убить старуху-процентщицу, думая, что ее деньги помогут тысячам страдающих девушек и юношей. На протяжении всего повествования герой пытается проверить свою теорию о сверхчеловеке, оправдывая себя тем, что великие полководцы и властители не ставили перед собой преграды в виде нравственности на пути к великим целям. Родион оказывается человеком, неспособным жить с осознанием деяния, которое он совершил, потому признает свою вину. **Спустя некоторое время Раскольников понимает, что гордость ума ведёт к гибели, тем самым опровергая свою теорию о «сверхчеловеке».** Он видит сон, в котором фанатики, уверенные в своей правоте, убивали других, не принимая их истины. «Люди убивали друг друга... в бессмысленной злобе, пока не уничтожили род людской, кроме нескольких «избранных». Судьба этого героя показывает нам, что даже благие намерения не оправдывают бесчеловечных методов.

Смирение в произведениях русской литературы.

Валентина Осеева «Бабка»

Бабка была тучная, широкая, с мягким, певучим голосом. В старой вязаной кофте, с подоткнутой за пояс юбкой, расхаживала она по комнатам, неожиданно появляясь перед глазами, как большая тень.

— Всю квартиру собой заполонила!.. — ворчал Борькин отец.

А мать робко возражала ему:

— Старый человек... Куда же ей деться?

— Зажилась на свете... — вздыхал отец. — В инвалидном доме ей место — вот где!

Все в доме, не исключая и Борьки, смотрели на бабку как на совершенно лишнего человека.

Бабка спала на сундуке. Всю ночь она тяжело ворочалась с боку на бок, а утром вставала раньше всех и гремела в кухне посудой. Потом будила зятя и дочь:

— Самовар поспел. Вставайте! Попейте горяченького-то на дорожку...

Подходила к Борьке:

— Вставай, батюшка мой, в школу пора!

— Зачем? — сонным голосом спрашивал Борька.

— В школу зачем? Темный человек глух и нем — вот зачем!

Борька прятал голову под одеяло:

— Иди ты, бабка...

— Я-то пойду, да мне не к спеху, а вот тебе к спеху.

— Мама! — кричал Борька. — Чего она тут гудит над ухом, как шмель?

— Боря, вставай! — стучал в стенку отец. — А вы, мать, отойдите от него, не надоедайте с утра.

Но бабка не уходила. Она натягивала на Борьку чулки, фуфайку. Грузным телом колыхалась перед его кроватью, мягко шлепала туфлями по комнатам, гремела тазом и все что-то приговаривала.

В сенях отец шаркал веником.

— А куда вы, мать, галоши дели? Каждый раз во все углы тыкаешься из-за них!

Бабка торопилась к нему на помощь.

— Да вот они, Петруша, на самом виду. Вчерась уж очень грязны были, я их обмыла и поставила.

Отец хлопал дверью. За ним торопливо выбегал Борька. На лестнице бабка совала ему в сумку яблоко или конфету, а в карман чистый носовой платок.

— Да ну тебя! — отмахивался Борька. — Раньше не могла дать! Опоздаю вот...

Потом уходила на работу мать. Она оставляла бабке продукты и уговаривала ее не тратить лишнего:

— Позкономней, мама. Петя и так сердится: у него ведь четыре рта на шее.

— Чей род — того и рот... — вздыхала бабка.

— Да я не о вас говорю! — смягчалась дочь. — Вообще расходы большие... Поаккуратнее, мама, с жирами. Боре пожирней, Пете пожирней...

Потом сыпались на бабку другие наставления. Бабка принимала их молча, без возражений.

Когда дочь уходила, она начинала хозяйничать. Чистила, мыла, варила, потом вынимала из сундука спицы и вязала. Спицы двигались в бабкиных пальцах то быстро, то медленно — по ходу ее мыслей. Иногда совсем останавливались, падали на колени, и бабка качала головой:

— Так-то, голубчики мои... Не просто, не просто жить на свете!

Приходил из школы Борька, сбрасывал на руки бабке пальто и шапку, швырял на стул сумку с книгами и кричал:

— Бабка, поесть!

Бабка прятала вязание, торопливо накрывала на стол и, скрестив на животе руки, следила, как Борька ест. В эти часы как-то невольно Борька чувствовал бабку своим, близким человеком. Он охотно рассказывал ей об Уроках, товарищах.

Бабка слушала его любовно, с большим вниманием, приговаривая:

— Все хорошо, Борюшка, и плохое и хорошее хорошо. От плохого человек крепче делается, от хорошего душа у него зацветает.

Иногда Борька жаловался на родителей:

— Обещал отец портфель. Все пятиклассники с портфелями ходят!

Бабка обещала поговорить с матерью и выговаривала Борьке портфель.

Наевшись, Борька отодвигал от себя тарелку.

— Вкусный кисель сегодня! Ты ела, бабка?

— Ела, ела, — кивала головой бабка. — Не заботься обо мне, Борюшка, я, спасибо, сыта и здрава.

Потом вдруг, глядя на Борьку выцветшими глазами, долго жевала она беззубым ртом какие-то слова. Щеки ее покрывались рябью, и голос понижался до шепота:

— Вырастешь, Борюшка, не бросай мать, заботься о матери. Старое что малое. В старину говаривали: трудней всего три вещи в жизни — Богу молиться, долги платить да родителей кормить. Так-то, Борюшка, голубчик!

— Я мать не брошу. Это в старину, может, такие люди были, а я не такой!

— Вот и хорошо, Борюшка! Будешь поить- кормить да подавать с ласкою? А уж бабка твоя на это с того света радоваться будет.

— Ладно. Только мертвой не приходи, — говорил Борька.

После обеда, если Борька оставался дома, бабка подавала ему газету и, присаживаясь рядом, просила:

— Почитай что-нибудь из газеты, Борюшка, кто живет, а кто мается на белом свете.

— «Почитай»! — ворчал Борька. — Сама не маленькая!

— Да что ж, коли не умею я.

Борька засовывал руки в карманы и становился похожим на отца.

— Ленишься! Сколько я тебя учил? Давай тетрадку!

Бабка доставала из сундука тетрадку, карандаш, очки.

— Да зачем тебе очки? Все равно ты буквы не знаешь.

— Все как-то явственней в них, Борюшка. Начинался урок. Бабка старательно выводила буквы; «ш» и «т» не давались ей никак.

— Опять лишнюю палку приставила! — сердился Борька.

— Ох! — пугалась бабка. — Не сосчитаю никак.

— Хорошо, ты при советской власти живешь, а то в царское время знаешь как тебя драли бы за это? Мое почтение!

— Верно, верно, Борюшка. Бог — судья, солдат — свидетель. Жаловаться было некому.

Со двора доносился визг ребят.

— Давай пальто, бабка, скорей! Некогда мне!

Бабка опять оставалась одна. Поправив на носу очки, она осторожно развешивала газету, подходила к окну и долго, мучительно вглядывалась в черные строки. Буквы, как жучки, то расползались перед глазами, то, натываясь друг на дружку, сбивались в кучу. Неожиданно выпрыгивала откуда-то знакомая трудная буква. Бабка поспешно зажимала ее толстым пальцем и торопилась к столу.

Три палки... три палки... — радовалась она.

* * *

Досаждали бабке забавы внука. То летали по комнате белые, как голуби, вырезанные из бумаги самолеты. Описав под потолком круг, они застревали в масленке, падали на бабкину голову. То являлся Борька с новой игрой — в «чечаночку». Завязав в тряпочку пятак, он бешено прыгал по комнате, подбрасывая его ногой. При этом, охваченный азартом игры, он натывался на все окружающие предметы. А бабка бегала за ним и растерянно повторяла:

— Батюшки, батюшки... Да что же это за игра такая? Да ведь ты все в доме переколотишь!

— Бабка, не мешай! — задыхался Борька.

— Да ногами-то зачем, голубчик? Руками- то безопасней ведь.

— Отстань, бабка! Что ты понимаешь? Ногами надо.

Пришел к Борьке товарищ. Товарищ сказал:

— Здравствуйте, бабушка!

Борька весело подтолкнул его локтем:

— Идем, идем! Можешь с ней не здороваться. Она у нас старая старушенция.

Бабка одернула кофту, поправила платок и тихо пошевелила губами:

— Обидеть — что ударить, приласкать — надо слова искать.

А в соседней комнате товарищ говорил Борьке:

— А с нашей бабушкой всегда здороваются. И свои, и чужие. Она у нас главная.

— Как это — главная? — заинтересовался Борька.

— Ну, старенькая... всех вырастила. Ее нельзя обижать. А что же ты со своей-то так? Смотри, отец взгреет за это.

— Не взгреет! — нахмурился Борька. — Он сам с ней не здоровается.

Товарищ покачал головой:

— Чудно! Теперь старых все уважают. Советская власть знаешь как за них заступает! Вот у одних в нашем дворе старичку плохо жилось, так ему теперь они платят. Суд постановил. А стыдно-то как перед всеми, жуть!

— Да мы свою бабку не обижаем, — покраснел Борька. — Она у нас... сыта и здрава.

Прощаясь с товарищем, Борька задержал его у дверей.

— Бабка, — нетерпеливо крикнул он, — иди сюда!

— Иду, иду! — заковыляла из кухни бабка.

— Вот, — сказал товарищу Борька, — попрощайся с моей бабушкой.

После этого разговора Борька часто ни с того ни с сего спрашивал бабку:

— Обижаем мы тебя?

А родителям говорил:

— Наша бабка лучше всех, а живет хуже всех: никто о ней не заботится.

Мать удивлялась, а отец сердился:

— Кто это тебя научил родителей осуждать? Смотри у меня — мал еще!

И, разволновавшись, набрасывался на бабку:

— Вы, что ли, мамаша, ребенка учите? Если недовольны нами, могли бы сами сказать.

Бабка, мягко улыбаясь, качала головой:

— Не я учу — жизнь учит. А вам бы, глупые, радоваться надо. Для вас сын растет! Я свое отжила на свете, а ваша старость впереди. Что убьете, то не вернете.

Перед праздником возилась бабка до полуночи в кухне. Гладила, чистила, пекла. Утром поздравляла домашних, подавала чистое глаженое белье, дарила носки, шарфы, платочки.

Отец, примеряя носки, кряхтел от удовольствия:

— Угодили вы мне, мамаша! Очень хорошо, спасибо вам, мамаша!

Борька удивлялся:

— Когда это ты навязала, бабка? Ведь у тебя глаза старые — еще ослепнешь!

Бабка улыбалась морщинистым лицом. Около носа у нее была большая бородавка. Борьку эта бородавка забавляла.

— Какой петух тебя клюнул? — смеялся он.

— Да вот выросла, что поделаешь!

Борьку вообще интересовало бабкино лицо.

Были на этом лице разные морщины: глубокие, мелкие, тонкие, как ниточки, и широкие, вырытые годами.

— Чего это ты такая разрисованная? Старая очень? — спрашивал он.

Бабка задумывалась.

— По морщинам, голубчик, жизнь человеческую, как по книге, можно читать.

— Как же это? Маршрут, что ли?

— Какой маршрут? Просто горе и нужда здесь расписались. Детей хоронила, плакала — ложились на лицо морщины. Нужду терпела, билась — опять морщины. Мужа на войне убили — много слез было, много и морщин осталось. Большой дождь и тот в земле ямки роет.

Слушал Борька и со страхом глядел в зеркало: мало ли он поревел в своей жизни — неужели все лицо такими нитками затянется?

— Иди ты, бабка! — ворчал он. — Наговоришь всегда глупостей...

Когда в доме бывали гости, наряжалась бабка в чистую ситцевую кофту, белую с красными полосками, и чинно сидела за столом. При этом следила она в оба глаза за Борькой, а тот, делая ей гримасы, таскал со стола конфеты.

У бабки лицо покрывалось пятнами, но сказать при гостях она не могла.

Подавали на стол дочь и зять и делали вид, что мамаша занимает в доме почетное место, чтобы люди плохого не сказали. Зато после ухода гостей бабке доставалось за все: и за почетное место, и за Борькины конфеты.

— Я вам, мамаша, не мальчик, чтобы за столом подавать, — сердился Борькин отец.

— И если уж сидите, мамаша, сложа руки, то хоть за мальчишкой приглядели бы, ведь все конфеты потаскал! — добавляла мать.

— Да что же я с ним сделаю-то, милые мои, когда он при гостях вольным делается? Что спил, что съел — царь коленом не выдавит! — плакалась бабка.

В Борьке шевелилось раздражение против родителей, и он думал про себя: «Вот будете старыми, я вам покажу тогда!»

Была у бабки заветная шкатулка с двумя замками; никто из домашних не интересовался этой шкатулкой. И дочь и зять хорошо знали, что денег у бабки нет. Прятали в ней бабка какие-то вещицы «на смерть». Борьку одолевало любопытство.

— Что у тебя там, бабка?

— Вот помру — все ваше будет! — сердилась она. — Оставь ты меня в покое, не лезу я к твоим-то вещам!

Раз Борька застал бабушку спящей в кресле. Он открыл сундук, взял шкатулку и заперся в своей комнате. Бабушка проснулась, увидела открытый сундук, охнула и припала к двери.

Борька дразнился, гремя замками:

— Все равно открою!..

Бабушка заплакала, отошла в свой угол, легла на сундук. Тогда Борька испугался, открыл дверь, бросил ей шкатулку и убежал.

— Все равно возьму у тебя! Мне как раз такая нужна, — дразнился он потом.

За последнее время бабушка вдруг сгорбилась, спина у нее стала круглая, ходила она тише и все присаживалась.

— В землю вращается! — шутил отец.

— Не смейся ты над старым человеком, — обижалась мать.

А бабушке в кухне говорила:

— Что это вы, мама, как черепаха, по комнате двигаетесь? Пошлешь вас за чем-нибудь и назад не дождешься.

Умерла бабушка перед майским праздником. Умерла одна, сидя в кресле с вязанием в руках. Лежал на коленях недоконченный носок, на полу — клубок ниток. Ждала, видно, Борьку. Стоял на столе готовый прибор. Но обедать Борька не стал. Он долго глядел на мертвую бабушку и вдруг опрометью бросился из комнаты. Бегал по улицам и боялся вернуться домой. А когда осторожно открыл дверь, отец и мать были уже дома.

Бабушка, наряженная, как для гостей, — в белой кофте с красными полосками, лежала на столе. Мать плакала, а отец вполголоса утешал ее:

— Что же делать? Пожила, и довольно. Мы ее не обижали, терпели и неудобства и расход.

В комнату набились соседи. Борька стоял у бабушки в ногах и с любопытством рассматривал ее. Лицо у бабушки было обыкновенное, только бородавка побелела, а морщин стало меньше.

Ночью Борьке было страшно: он боялся, что бабушка слезет со стола и подойдет к его постели. «Хоть бы унесли ее скорее!» — думал он.

На другой день бабушку схоронили. Когда шли на кладбище, Борька беспокоился, что уронят гроб, а когда заглянул в глубокую яму, то поспешно спрятался за спину отца.

Домой шли медленно. Провожали соседи. Борька забежал вперед, открыл свою дверь и на цыпочках прошел мимо бабушкиного кресла. Тяжелый сундук, обитый железом, выпирал на середину комнаты; теплое лоскутное одеяло и подушка были сложены в углу.

Борька постоял у окна, поковырял пальцем прошлогоднюю замазку и открыл дверь в кухню. Под умывальником отец, засучив рукава, мыл галоши; вода затекала на подкладку, брызгала на стены. Мать гремела посудой. Борька вышел на лестницу, сел на перила и съехал вниз.

Вернувшись со двора, он застал мать сидящей перед раскрытым сундуком. На полу была свалена всякая рухлядь. Пахло залежавшимися вещами.

Мать вынула смятый рыжий башмачок и осторожно расправила его пальцами.

— Мой еще, — сказала она и низко наклонилась над сундуком. — Мой...

На самом дне загремела шкатулка. Борька присел на корточки. Отец потрепал его по плечу:

— Ну что же, наследник, разбогатеем сейчас!

Борька искоса взглянул на него.

— Без ключей не открыть, — сказал он и отвернулся.

Ключей долго не могли найти: они были спрятаны в кармане бабушкиной кофты. Когда отец встряхнул кофту и ключи со звоном упали на пол, у Борьки отчего-то сжалось сердце.

Шкатулку открыли. Отец вынул тугой сверток: в нем были теплые варежки для Борьки, носки для зятя и безрукавка для дочери. За ними следовала вышитая рубашка из старинного выцветшего шелка — тоже для Борьки. В самом углу лежал пакетик с леденцами, перевязанный красной ленточкой. На пакетике что-то было написано большими печатными буквами. Отец повертел его в руках, прищурился и громко прочел:

— «Внуку моему Борюшке».

Борька вдруг побледнел, вырвал у него пакет и убежал на улицу. Там, присев у чужих ворот, долго вглядывался он в бабушкины каракули: «Внуку моему Борюшке».

В букве «ш» было четыре палочки.

«Не научилась!» — подумал Борька.

И вдруг, как живая, встала перед ним бабушка — тихая, виноватая, не выучившая урока.

Борька растерянно оглянулся на свой дом и, зажав в руке пакетик, побрел по улице вдоль чужого длинного забора...

Домой он пришел поздно вечером; глаза у него распухли от слез, к коленкам пристала свежая глина.

Бабкин пакетик он положил к себе под подушку и, закрывшись с головой одеялом, подумал: «Не придет утром бабка!»

Р.Брэдбери «Улыбка».

На главной площади очередь установилась еще в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далекие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди еще люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче.

Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

— Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? — сказал человек за его спиной.

— Это мое место, я тут очередь занял, — ответил мальчик.

— Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы свое место тому, кто знает в этом толк!

— Оставь в покое парня, — вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

— Я же пошутил. — Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул ее. — Просто подумал, чудно это — ребенок, такая рань а он не спит.

— Этот парень знает толк в искусстве, ясно? — сказал заступник, его фамилия была Григсби. — Тебя как звать-то, малец?

— Том.

— Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку — верно, Том?

— Точно!

Смех покотился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костер и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

— Говорят, она улыбается, — сказал мальчик.

— Ага, улыбается, — ответил Григсби.

— Говорят, она сделана из краски и холста.

— Точно. Потому-то и сдается мне, что она не подлинная. Та, настоящая, — я слышал-была на доске нарисована, в незапамятные времена.

— Говорят, ей четыреста лет.

— Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

— Две тысячи шестьдесят первый!

— Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трехтысячный! Или пятитысячный! Почем мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперед по холодным камням мостовой.

— Скоро мы ее увидим? — уныло протянул Том.

— Еще несколько минут, не больше. Они огородили ее, повесили на четырех латунных столбиках бархатную веревку, все честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в нее камни.

— Ладно, сэр.

Солнце поднималось все выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

— А зачем мы все тут собрались? — спросил, подумав, Том. — Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

— Э, Том, причин уйма. — Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. — **Тут все дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города — груды развалин, дороги от бомбежек — словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?**

— Да, сэр, конечно.

— То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

— А есть ли хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? — сказал Том.

— Во-во! **А все эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами -ядовитые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утхи, кроме этих наших праздников, Том. Наших праздников...**

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливичики могли по одному разу долбануть машину кувалдой!...

— Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло — стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррахх!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

— А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, — продолжал вспоминать Григсби, — **было в тот раз, когда громили завод, который еще пытался выпускать самолеты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов — и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?**

— Том подумал.

— Ага

Полдень. Запахи **разрушенного города** отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий..

— Сэр, это больше никогда не вернется?

— **Что — цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае не мне!**

— А я так готов ее терпеть, — сказал один из очереди. — Не все, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

— Чего зря болтать-то! — крикнул Григсби. — Всё равно впустую.

— Э, — упорствовал один из очереди, — не торопитесь. — Вот увидите: еще появится башковитый человек, который ее подлатает. Попомните мои слова. Человек с душой.

— Не будет того, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. **Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернет нам — нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.**

— Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

— Почему же? Может, на этот раз все будет иначе. Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой; держа в руке листок бумаги. Огороженное пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперед — шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

— Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай! — По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских-четверо мужчин с желтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

— Это для того, — уже напоследок объяснил Григсби, — чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на нее.

— Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

— Том, давай! Живее!

— Но, — медленно произнес Том, — она же красивая!

— Ладно, я плюну за тебя!

Плевков Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на ее взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

— Она красивая, — повторил он.

— Иди уж, пока полиция...

— Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома — стал как пень! — а теперь все повернулись к верховому.

— Как ее звать, сэр? — тихо спросил Том.

— Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно: «Мона Лиза».

— Слушайте объявление, — сказал верховой. — Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении...

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутек. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дернул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жесткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

— Эй, Том, ты что же! — крикнул Григсби. Не говоря ни слова, всхлипывая. Том побежал прочь. За город, на испещренную воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку, он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через нее. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит — спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лег, часто дыша.

— Том? — раздался во мраке голос матери.

— Да.

— Где ты болтался? — рявкнул отец. — Погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

— Ложись! — негромко прикрикнула на него мать.

Еще пинок.

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажмурив глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял ее. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок покрашенного холста.

Мир спал, освещенный луной.

А на его ладони лежала Улыбка.

Он смотрел на нее в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он все еще видел ее, даже после того как осторожно сложил ее и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним — Улыбка. Ласковая, добрая, она была Там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием, и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

Смиряться, несчастный лишь довершает свое несчастье. (Оноре де Бальзак, французский писатель 19-го века).

Мы воспринимаем смирение как поражение, а на самом деле только со смирения начинается победа. (Эличин Сафарли, современный азербайджанский писатель).

Берегись, как бы тебе не стать столь смиренным, чтобы смирение твоё превратилось в глупость. (Игнасио Лойола, католический святой 16-го века).

Смирение – это состояние, при котором человек умирляет свои эмоции, чувства, принимает реальность. Оно часто наступает после серьёзных неудач, испытаний, когда человек уже не может им противостоять. Часто говорят, что смирение – это удел слабых. Это верно в той ситуации, когда люди, примиряясь с положением вещей, позволяют унижать себя, теряют своё человеческое достоинство (яркий пример – переход на службу фашистам в годы войны ради того, чтобы выжить любой ценой). Смиренный человек починается воле других, им легко руководить. Синонимами в данной ситуации будут слова: покорность, подчинение, повиновение, безропотность.

Однако **смирение** – это и признание законов общества, в котором живёт человек, его традиций, подчинение им, это часть культуры человека, умение уважать окружающих, **смирять своё недовольство чем-то**. Смирение проповедуют и религии, смирение перед Богом. «Смирение – путь высоких мудрецов», как писал Саади, персидский поэт 13-го века. **В этом случае смирение – синоним слов сдержанность, обуздание, послушание, кротость**. Нельзя смиряться перед несправедливостью, перед ударами судьбы, нужно идти вперёд, как бы тяжело это ни было. Но иногда необходимо учиться смирению в отношениях с близкими, окружающими, не быть эгоистом, думающим только о себе.

Когда мы размышляем о смирении, то сразу же вспоминается призыв, прозвучавший в речи Фёдора Михайловича Достоевского, посвящённой Пушкину: «Смирись, гордый человек». И в этой фразе выявляется противопоставление: смирение – гордость. Значит, смирение – это победа над своей гордостью. Так ли это? Ответить на вопрос помогут нам произведения художественной литературы.

1. Маша Миронова, героиня повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», сочетает в себе силу и смирение. Она перенесла потерю родителей, плен у подлого Швабрина и не сломалась. Но в то же время для нее большое значение имело мнение родителей Петра Гринёва, которые наотрез отказались благословлять их брак с Гринёвым. Маша смирилась с этим обстоятельством, вела себя кротко и скромно, чем в конце концов заслужила уважение и любовь не только Гринёвых, но и самой императрицы Екатерины. Значит, смирение — это не слабость, а сила, ведь только сильная личность может смирить гордыню и сделать так, как лучше для всех, а не только для нее.

2. Соня Мармеладова, героиня романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», является образцом доброты и смирения. Ради того, чтобы накормить своих маленьких сводных братьев и сестер, она стала «жить по желтому билету». Героиня не могла иначе помочь голодным детям, поэтому отдала всю себя, при этом оставшись чистой. Соня никого не упрекала в своем положении, ее смирение поддерживало всю семью и служило примером другим людям. И именно оно помогло Родиону Раскольникову покаяться и очистить душу. Образ Сони показывает, как важны прощение и смирение в жизни людей.

3. Княжна Марья Болконская, героиня романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир», всегда жила для других. Она заботилась об отце, племяннике, нищих, пыталась понять всех и помочь окружающим. Даже когда старый князь наотрез отказался отпустить ее замуж и

унизился до фамильярности с компаньонкой, она приняла эту жертву и смирилась с его характером. Несмотря на жажду любви и счастья, она жила любовью близких. Чистота души и смирение Марьи были вознаграждены, она вышла за Николая Ростова и была счастлива в семейной жизни. Значит, смирение не означает принятие неудачи и отказ от борьбы за счастье. Оно лишь дает человеку время понять, в чем это счастье заключается.

4.А. И. Солженицын в рассказе «Матренин двор» называет свою героиню праведницей. И эти качества действительно присущи Матрене: смирение, доброта, самопожертвование. Она помогает всем вокруг, не требуя ничего взамен, живет для других. Героиня смиряется с приступами тяжелой болезни, потребительским отношением родственников. Даже погибает она, помогая другим. При этом уходит все также смиренно, никого не ругая и не укоряя. Ее тихая жизнь лишена громких подвигов, но подвиг каждодневного самопожертвования вызывает уважение. Смирение – черта праведников, на которых и держится весь мир.

5.Смирение не всегда идет во благо человеку. В доказательство приведем **повесть А.С. Пушкина «Станционный смотритель»**. Самсон Вырин один воспитывал красавицу-дочку, все у них было хорошо, пока однажды ее не увез с собой ротмистр Минский. Герой претворился больным, чтобы задержаться в доме и заручиться доверием Дуни, а потом посадил ее в коляску и увез в Петербург. Смотритель слег с горячкой, но потом отправился на поиски дочери. В ответ на просьбу Минский отказал, а во второй приход отца просто выгнал его из дома. Самсон решил покориться судьбе, отпустить дочь, но глубокая рана не давала ему жить как прежде. Он начал пить и вскоре умер от тоски. Его смирение оказалось смертельным приговором, данным им самому себе.

6.Гордость и смирение в романе Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание".

Например, в романе Ф.М. Достоевского главный герой Родион Раскольников ставит перед собой вопрос: «тварь я дрожащая или право имею»? На протяжении всего повествования герой пытается проверить свою теорию о сверхчеловеке, оправдывая себя тем, что великие полководцы и властители не ставили перед собой преграды в виде нравственности на пути к великим целям. Родион оказывается человеком, неспособным жить с осознание деяния, которое он совершил, потому признает свою вину. Спустя некоторое время Раскольников понимает, что гордость ума ведёт к гибели, тем самым опровергая свою теорию о «сверхчеловеке». Он видит сон, в котором фанатики, уверенные в своей правоте, убивали других, не принимая их истины. «Люди убивали друг друга... в бессмысленной злобе, пока не уничтожили род людской, кроме нескольких «избранных». Судьба этого героя показывает нам, что даже благие намерения не оправдывают бесчеловечных методов. Гордым человеком является также **Свидригайлов**. Во многом он считает себя лучше остальных людей. Однако в глубине души он понимает, что его надменность и гордость не оправданы. Перед своим самоубийством Свидригайлов совершает хорошие поступки: он выплачивает долги Катерины Ивановны, помогает с ее похоронами и устраивает ее детей в приют. Помимо этого, Свидригайлов хочет помочь Дуне, чтобы она не выходила замуж за Лужина. Гордость Свидригайлова сталкивается с желанием жить честно и справедливо. Это отличает Свидригайлова от Лужина, который живет по принципам эгоизма и вседозволенности. Поступки Свидригайлова подтверждают мысль о том, что гордые люди тоже умеют просить прощения и стараться загладить свою вину.

Примеры смирения. Лизавета, сводная сестра старухи-процентщицы, — полная противоположность Алене Ивановне. Это человек необычайно кроткий, смиренный, чрезвычайно набожный, хотя и не без греха. Кроткая Лизавета — двойник Сони Мармеладовой. Став безвинной жертвой Раскольникова, она становится немым укором герою с его бесчеловечной теорией.

Сама Соня считает себя «великой грешницей». «Приниженная, убитая, расфранченная и стыдящаяся», смиренно ожидает она своей очереди проститься с умирающим отцом; боится сесть в присутствии «дам»; не смеет даже и взглянуть на Дуню. Мысль о «бесчестном и позорном ее положении» давно истерзала Соню до «чудовищной боли». Робкая от природы, она знает, что «ее легче погубить, чем кого бы то ни было», что обидеть ее может всякий «почти безнаказанно». И поэтому кротостью, покорностью «перед всем и каждым» всегда старается избежать «беды». Поступок Лужина, подло представившего ее «воровкой», заставляет Соню ощутить мучительное чувство беспомощности — ей становится «уж слишком тяжело». Тем не менее на вопрос Раскольникова: «Лужину ли жить и делать мерзости или умирать Катерине Ивановне?» — она отвечает: «Да ведь я Божьего Промысла знать не могу... И кто меня тут судьей поставил: кому жить, кому не жить?» Любой человек для нее — не «вошь».

Короткие произведения для аргументации:

А.С.Пушкин «Станционный смотритель»,

Н.В.Гоголь «Шинель»,

Н.Лесков «Левша»,

А.П.Чехов «Ионыч»,

М.Гелприн «Свеча горела»,

В.Шукшин «Обида»,

А.Солженицын «Матренин двор»,

А.Платонов «Юшка».

М.Веллер «Сопутствующие условия».

Его должны были расстрелять на рассвете.

На рассвете — это крупное везение. Еще есть время.

Он лежал ничком в совершенной темноте. Вероятно, ногами к двери — швырнули.

Спина была изодрана в мясо и присыпана рыбацкой солью. Боль вывела его из забытья. Боль была союзником.

Связанные сзади руки немели.

Он перекатился на спину, и боль перерубила сознание. Он смолчал и пришел в себя. Он просто забыл: нога. Левая нога попала под коня. Под ним убило коня.

Он уперся правой пяткой в земляной пол и проелозил плечами... Оттолкнулся еще раз и совладел с дыханием. Подтянул ногу, закинул голову, опершись макушкой приподнял плечи и передвинул себя.

После десятого раза он стал переворачиваться на живот. Сердце грохало в глотке.

Извивался, царапая коленом, правой стороной груди, головой — полз.

Часовой — вздохнул, выматерился, зачиркал металлом по кремушку, добывая прикурить, близко, но снаружи, где дверь, в стороне ног.

Он определил стену сарая. Переместил себя вдоль нее. На правом боку, прижимаясь, продвигался. Острые гвоздя корябнуло лоб.

Нашел.

Гвоздь торчал на полвершка. Он долго пристраивался к нему стянутыми запястьями. При всяком движении черная трещина в сознании расширялась, и боль увлекала туда.

Не чувствуя руками, на звук, он дергал веревкой о кончик гвоздя. Приноровясь, пытался расщипывать волокна в одном месте.

Закрапал в крышу, наладился дождь. Удача; очень большая удача.

Пряди поддевались чаще толстые. Он отпускал напрягшиеся нити, стараясь определить одну, и рвал ее...

...Очнувшись, он продолжал. И последняя прядка лопнула, но это был лишь один виток, и веревка не ослабла.

Теперь он приспособился, пошло быстрее... Ему удавалось расковырять, разлохматить веревку о гвоздь, и она поддавалась легче.

...Он не мог сказать прошедшего времени, когда освободил руки. Он кусал взбухшие кисти, слизывая кровь с зубов, и руки ожили.

Под стену натекала вода. Он напился из лужицы. Часть воды оставил, провертев пальцем в дне лужи несколько ямок поближе к стене.

На четвереньках, подтягивая ногу, он обшарил сарай. Ни железки, ни щепки... Пригнанные доски прочны.

Железный костыль сидел в столбе мертво. Сжав челюсти, он раскачивал его, выкрашивая зубы.

Костылем он стал рыхлить землю с той стороны, под стеной, где натекала вода. Он рыхлил увлажняющуюся землю костылем и выгребал руками. Руку уже можно было высунуть по плечо, когда в деревне закричали петухи. Ему оставался час до рассвета. С дождем — полтора часа.

Часовой — не шагал под дождь, но без сна, дымок махорки чуялся.

В темноте, сдирая запекшиеся струпья со спины, он вылез в мокрый бурьян. Умеряя движения, каждую травинку перед собой проверяя беззвучно, пополз направо к реке.

С глинистой кручи головой вперед, тормозя скольжение вытянутыми руками, пальцами правой ноги и подбородком, он достиг берега.

Лодок не было.

Ни одной.

Он двигался на четвереньках вдоль воды. Дождь перестал, и линия обрыва выступила различимо.

Обломок бревна он заметил сажени за три. Подкатил его, спустился без всплеска в сентябрьскую воду.

Лежа на калабахе грудью, обхватив ее левой рукой, оттолкнулся от дна, тихо-тихо загребая правой к середине.

Ниже по течению верстах в полутора на том берегу был лес.

И поэтому так называемые трудности мне непонятны.

И знакомые называют меня идеалистом, наивным оптимистом и юнцом, не знающим жизни.

Человек этот, боец 6-го эскадрона 72-го красного кавполка, был мой прадед.

Фотографию его, дореволюционную овальную сепию, я спер из теткиного альбома и держу у себя на столе. Те, кто видят ее впервые, не удерживаются, чтобы не отметить сходство и поинтересоваться, кем этот человек мне приходится. Что составляет тайный (и не совсем тайный, если откровенно) предмет некоторой моей гордости. На фотографии ему двадцать один — на три больше, чем мне сейчас. Намного старше он не стал — погиб в двадцатом.

М.Веллер «Легионер».

Его родители эмигрировали во Францию перед первой мировой войной. В сороковом году, когда немцы вошли в Париж, ему было четырнадцать. Он был рослый и крепкий подросток.

Родители были взяты заложниками при облаве в квартале. Он прочитал на стене объявление о расстреле.

Он бежал в маки. Цель, смысл жизни — мстить. Было абсолютное бесстрашие отпетого мальчишки: отчаяние и ненависть.

Всей мальчишеской страстью он предался оружию и войне. Он лез на рожон. В пятнадцать лет он был равным в отряде. Он вел зарубки на ложе английского автомата. В сорок четвертом, когда партизаны вступили в Париж преже де авангардов генерала Леклерка, ему было восемнадцать лет и он командовал батальоном франтиреров.

Он праздновал победу в рукоплесканиях и цветах. Но война кончилась, и ценности сменились. Герой остался нищим мальчишкой без профессии. Он пил в долг, поминал заслуги и поносил приспособленцев. Был скандал, драка, а стрелять он умел. Замаячила гильотина.

...Он записался в Иностранный легион. Вербовочный пункт отсекал слежку, прошлое исчезало, кончался закон: называл любое имя.

Он умел воевать, а больше ничего не умел: любить и ненавидеть. Любить было некого, а ненавидел он всех. Капралом был румын. Взводным немец. Власовцы, итальянцы, усташи, четники, уголовники и нищие крестьяне.

На себе стоял крест: десятилетний контракт не сулил выжить. Он дрался в Северной и Экваториальной Африке, в Индокитае. Легион был надежнейшей частью: не сдавались — прикончат, не бежали — некуда, не отступали — пристрелят свои. Держались, сколько были живы и имели патроны.

Он узнал, что такое легионерская тоска — «кяфар». Пронзительная пустота, безысходность в чужом мире (джунгли, пустыня), бессмысленность усилий, — безразличие к жизни настолько полное, что именно оно и становилось основным ощущением жизни.

Разум и совесть закуклились. Отребье суперменов, «солдаты удачи», наемное зверье — они были вне всех законов. Жгли. Вырезали. Добивали раненых. Выполняли приказ и отводили душу. Личный состав взвода менялся раз за разом. Он был отчаян и везуч — выжил.

По окончании контракта он получил счет в банке и чистые документы: щепетильная Франция одаряла легионеров всеми правами гражданства. Лысый, простреленный, в тридцать лет выглядящий на сорок, он жил на скромные проценты. Гулял по бульварам. Молодость прошла; проходила жизнь.

Кончались пятидесятые годы. Запахло алжирской войной. Только не воевать: его трясли кошмары. Русские эмигранты говорили о родине и тянулись в Союз. Он вспомнил свое происхождение. Родители рассказывали ему об Одессе. Он пошел в советское посольство.

...В тридцать три он начал новую жизнь. Аппетит к жизни всколыхнулся в нем: здесь все было иначе.

Он поступил в электротехнический институт. Влюбился и женился. Родился ребенок; защитили дипломы; получили комнату. Он уже говорил по-русски без акцента, зато акцент появился во французском.

Нормальный инженер вставал на ноги. Терзаясь и веря, он рассказал жене о себе. Она плакала в ужасе и восхищении. Не верила, пока не свыклась.

Всех забот у него казалось — что подарить жене и детям. Лысенький, очкастенький, небольшой, а — крепок, как дубовый бочонок.

Авантюристическая жилка ожила в нем и заиграла. Он занялся альпинизмом, горными лыжами, отпуск работал спасателем в горах. Потом увлекся дельтапланером. Парил под белым парусом в синем небе и хохотал.

